
**ПРОБЛЕМА ОТВЕТСТВЕННОСТИ ВЛАСТИ
В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ**
**(Св. Иоанн Златоуст об обязанностях религиозной
и светской властей при несении полномочий)**

В.И. Шамшурин

Власть в Святоотеческом наследии Восточнохристианской традиции Православия есть бремя, если угодно, послушание, связанное, помимо всего прочего, с осознанием послушником тех издержек, соблазнов и трудностей, которые он (послушник) должен бдительно и трезво оценивать и даже предугадывать; учитывать и иметь в виду, взваливая на себя это бремя. И, не уклоняясь в случае надобности от власти, избегать ее порочных издержек-последствий. При этом особо помнить, что, как и всё злое, природа порока дана в смешении, я бы сказал «в смятении». Согласно св. Григорию Нисскому, плод этот смешан из противоположностей по той, может быть, причине, что предлагается не зло обыкновенное, каким представляется оно само в себе по собственной своей природе, потому, что не имел бы и силы порок, не прикрашенный ничем хорошим, привлекающим обольщаемого к пожеланию. «А ныне смешана несколько природа зла; внутри имеет пагубу, как скрытый некий обман, а по наружности показывает обольстительное некое представление добра. Сребролюбцам кажется прекрасною доброцветность вещества, но *корень всех зол* бывает *сребролюбие* (1Тим. 6: 10)»¹. Кто, вопрошает св. Григорий, поползнул бы в зловонную тину непотребства, если бы удовольствия не почитал чем-то прекрасным и желательным для себя, увлекаемый этой приманкой в страсть? Так и прочие грехи, имея в себе скрытую гибель, желательными кажутся на первый взгляд, по какому-то обольщению для неосмотрительных, столько же привлекательными, как и дело доброе. И продолжает: поскольку многие признают прекрасным то, что веселит чувства, и подобоименны как действительно прекрасное, так и кажущееся прекрасным; «по этому самому и бывающее вожделение зла, как и добра, в Писании наименовано ведением добра и зла, и под ведением понимается какое-то сорасположение и примешение, т.е. не отрешенное зло (так как цвет красотою), но и не чистое добро (потому что скрывал в себе зло), но смесь того и другого – этот плод запрещенного дерева, вкушение которого, по сказанному, ведет к смерти прикасающихся. А этим почти открыто выражает то учение, что подлинно доброе по природе своей просто и однолично, чуждо всякой двойственности и сочетания с противоположным, а злое разнообразно и прикровенно, иным чем-то признается и иным оказывается на опыте; и ведение его, т.е. познание на опыте, делается началом и причиной смерти и тления»². «Поэтому, – делает вывод св. Григорий Нисский, – вот что значит этот смешанный плод, по ясному истолкованию смысла Писания, по которому это древо наименовано ведением добра и зла, потому что подобно зловредности яда, вложенного в мед, поскольку услаждает чувство, кажется добром, а поскольку губит прикасающегося, делается самым крайним злом»³.

В этом смысле во власти как нигде нужно проявлять бдительность-трезвение (нэписис), отделять «зерна от плевел». Этот «информационный мониторинг» – самый главный. Более этого, его постоянное и неукоснительное проведение есть условие нахождения в профессии. Но что значит здесь, как пишет св. Григорий, «ведение»? Это совсем не то, к чему следует стремиться, в отличие от «познания». Добавим, особенно политику, руководителю. «Думаю же, полагает св. Григорий Нисский, что здесь Писание под ведением понимает не познание, но нахожу, по словоупотреблению Писания, некую разность в словах «ведение» и «различение». Ибо апостол говорит, что отличать добро от зла со знанием дела принадлежит совершеннейшей способности и чувствам обученным (см.: Евр. 5: 14). Поэтому дает и повеление все испытывать (см.: 1 Фес. 5: 21) и говорит, что различать свойственно духовному (см.: 1 Кор. 2: 15). Но ведение не везде по смыслу речи означает познание и уразумение, а иногда и расположение к приятному. Так, познал Господь Своих (2 Тим. 2: 19). И Моисея Господь знал лицом к лицу (Втор. 34: 10). Об осужденных же за порочность говорит Всеведущий: Я никогда не знал вас (Мф. 7: 23)»⁴. Итак, согласно св. Григорию, древо, которым в плод приносится смешанное ведение, принадлежит к запрещенному. Древо, вкушение от которого есть ведение добра и зла, – не в том смысле, что оно особо, по частям приносило в плод каждую из означенных противоположностей, но в том, что оно произращало некий слитный и смешанный плод срастворенный из противоположных качеств. Вкушение этого плода, пишет св. Григорий Нисский, воспрещает Начальник жизни, советует же змий, чтобы устроить вход смерти. Это очень важное методологическое уточнение. В этом смысле «ведения» надо избегать. А всячески стремиться надо именно к «познанию». В политике, во власти данная тонкость чрезвычайно важна.

Согласно же святителю Игнатию (Брянчанинову): «Есть и душеполезнейшее познание зла, даруемое Святым Духом избранным сосудам Его, при котором чистый и сильный ум исследует все, и самые тончайшие извития греха, обличает их, не смешиваясь со грехом, и хранит от зла себя и ближних. Так, водимый Святым Духом, святой апостол Петр сказал Симону волхву: Вижу тебя исполненного горькой желчи и в узах неправды» (Деян. 8: 23)»⁵. При этом, ссылаясь на Святоотеческую традицию, сам Святитель Игнатий тоже делает интереснейшие уточнения: «По падении и до самого искупления нашего Господом нашим Иисусом Христом «с насилем и мучительски владел враг человеком, – говорит преподобный авва Дорофей (Почтение первое) – так что и не хотевшие грешить невольно согрешали, как говорит апостол от лица нашего: Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю (Рим. 7: 10)». Действует на нас диавол, влагая свои помыслы, обольщая мечтаниями (Святой Исихий. Слово о трезвении, гл.46. Доброт., ч.3), возбуждая помыслами и мечтаниями греховные ощущения, волнуя и разгорячая кровь, поглощая этими волнами и попаляя этим пламенем весь здравый смысл человека и всю силу его воли. Действия всех страстей соединены с движением разнообразным крови; где движение крови, там непременно действие страсти, там непременно действие бесов. Такое действие непостижимо для омраченного падением человека,

пребывающего в падении своем: лукавые помыслы и мечтания так тонко и хитро действуют в душе, что ей представляются они как бы рождающимися в ней самой, а отнюдь не действием чуждого ей злого духа, вместе и действующего и желающего оставаться непримеченным»⁶.

Ссылки на традицию св. Игнатием не случайны. Напомним, в Патристике, в частности у упомянутого св. аввы Дорофея, высказываются следующие соображения: «1. По благости Своей Бог дал нам заповеди, очищающие нас, дабы мы, если пожелаем, могли соблюдением заповедей очиститься не только от грехов, но и от самих страстей. Ибо иное суть страсти, а иное грехи. Страсти суть: гнев, тщеславие, сластолюбие, ненависть, злая похоть и тому подобное. Грехи же суть самые действия страстей, когда кто приводит их в исполнение на деле, т.е. совершает с телом те дела, к которым побуждают его страсти; ибо можно иметь страсти, но не действовать по ним. 2. Закон (ветхий) имел целью научить нас не делать того, чего сами не хотим пострадать; потому он и останавливал нас только от делания зла. Ныне же (в Новом Завете) требуется изгнать самую страсть, побуждающую делать зло, – самую ненависть, самое сластолюбие, самое славлюбие и прочие страсти»⁷.

Эти разъяснения – своего рода предварение взглядов Иоанна Златоуста на власть. Точнее, на те трудности и ответственность, которые связаны с ее несением. Власть и есть прежде всего именно «несение», «служение» (по лат. функция). Это – не «предмет»; это – «отношение». В русском языке у латинского термина «функция», кроме «служба», «служение» есть и еще более точное и соответствующее глубинам патристики значение – «тягло», со всеми издержками, свойственному как светскому, так и религиозному «тяглу». Особенно характерна в этой связи работа св. Иоанна Златоуста «О священстве»⁸.

Слова о священстве написаны св. Иоанном по следующему поводу. Златоуст вместе со своим другом Василием решил воспринять смиренную иноческую жизнь вдали от мирских дел. Этому Василия не следует смешивать со знаменитым отцом Церкви Василием Великим, который был уроженцем Каппадокии и имел уже высокий сан, когда Иоанн был еще отроком⁹. Собравшиеся в Антиохии Епископы вознамерились поставить их обоих в епископы; слух об этом дошел до Иоанна и Василия. Иоанн, считая себя не подготовленным к надлежащему исполнению обязанностей пастыря Христовой Церкви, скрылся тайно от всех, и даже от своего друга Василия, в пустыню. Василий же был возведен в епископы г.Рафаны, близ Антиохи. Встретившись затем с Иоанном, он дружески стал упрекать его в уклонении от священного сана. В ответ на эти упреки св. Иоанн и написал шесть слов о священстве, в которых красноречиво говорит о высоком значении пастырского служения, и не только пастырского, о высокой ответственности всякой власти вообще. Святитель говорит, что власть – это не только право на высшее достоинство-преимущество, но и тяжелейшее бремя-испытание, связанное с несением, высочайшей меры ответственности. Другими словами – власть как глубочайшее смирение и даже сокрушение¹⁰.

В ответ на упреки в гордости, Иоанн восклицает: если я отклонил от себя тяжелое бремя, то вместо того чтобы извинить, если не хотят оправдать, «поче-

му обвиняют меня в том, что я пощадил душу свою?»¹¹. Ибо одна мысль о том, что возможно человеку презирать такое достоинство (священства), уже служит доказательством, какое мнение об этом предмете имеют сами высказывающие ее, – добавляет он. От кого при этом ожидать похвалы? От народа? Но он не знает дела в точности. От немногих? Но и у них нет точного представления. При этом, говоря о священстве, Златоуст уточняет: «Земные властители имеют власть связывать, но только тело; а эти узы связывают самую душу и проникают в небеса; что священники совершают на земле, то Бог довершает на небе, и мнение рабов утверждает Владыка. Не значит ли это, что Он дал им всю небесную власть? Им же говорит (Господь), отпустите грехи, отпустятся; и им же держите держатся (Ин. 20: 23). Какая власть может быть больше этой? Отец судь даде Сынови (Ин. 50: 22); а я вижу, что Сын весь этот суд вручил священникам»¹².

Именно поэтому Златоуст не только просит, но и умоляет возносящих его в сан пресвитера: «Не делайте этого! ... Я знаю свою душу немощную и слабую; знаю важность этого служения и великую трудность этого дела. Душу священника обуревают волны, большие тех, какие бывают от ветров, возмущающих море»¹³.

В чем же сложности? Во-первых, является тщеславие, «как бы скала ужаснейшая и гораздо опаснейшая скалы Сирен, которую вымыслили баснописцы». Здесь св. Иоанн имеет в виду известное место «Одиссеи» Гомера (XII, 39-110). Многие, продолжает он, могли проплыть мимо этой скалы безвредно; но для меня это так трудно, что даже и теперь, когда никакая нужда не влечет меня к этой пропасти, я не могу избавиться от опасности. А если кто вручит мне, говорит Златоуст, эту власть, тот как бы свяжет мне назад обе руки и предаст меня чудовищам, живущим в этой скале, чтобы они каждый день терзали меня. Какие же это чудовища? – спрашивает праведник. И сам же отвечает: гнев, уныние, зависть, вражда, клеветы, осуждения, обман, лицемерие, козни, негодование на людей невинных, удовольствие при неблагополучии служащих, печаль при их благосостоянии, желание похвал, пристрастие к почестям (оно более всего вредит душе человеческой), учение с угождением, неблагодарное ласкательство, низкое человекоугодие, презрение бедных, услужливость богатым, предпочтения неразумные и вредные, милости опасные как для приносящих, так и для принимающих их, страх рабский, приличный только презреннейшим невольникам, недостаток дерзновения, степенный вид смиренномудрия, но без истинного смирения, уклончивые обличения и наказания. Или, добавляет св. Иоанн, лучше сказать, пред незначительными людьми – чрезмерные, а пред сильными – безмолвные. «Столько и еще больше чудовищ вмещает в себя эта скала, и те, которые однажды захвачены ими, необходимо доходят до такого рабства, что даже в угодность женщинам делают много такого, о чем и говорить непристойно. Закон Божественный удалил женщин от этого служения, а они стараются вторгнуться в него; но так как сами по себе не имеют власти, то делают все через других, и такую присваивают себе силу, что и избирают, и отвергают священников по своему произволу; пословица «кверху дном» сбывает-

ся здесь на деле. Начальниками управляют подначальные, и пусть бы мужчины, но – те, которым не позволено и учить (1 Тим. 2: 12). Что говорю учить? – которым блаженный Павел запретил и глаголати в церкви (1 Кор. 14: 34). Я слышал от одного человека, будто их допустили до такой дерзости, что они и даже делают выговоры представителям церквей и обращаются с ними суровее, нежели господу со своими слугами»¹⁴.

Но вот что важно и даже принципиально: св. Иоанн Златоуст избегает, точнее, призывает избегать не власти в виде священства или начальства, а власти как первенства. «Не меч обвиняют за убийство, не вино за пьянство, не силу за оскорбление, не мужество за безрассудную дерзость, но все благоразумные люди обвиняют и наказывают употребляющих во зло дары Божию»¹⁵. Именно это желание, считает он, должно тщательно изгонять из души и даже не позволять ему в самом начале овладевать ею, чтобы можно было действовать во всем свободно. Кто не желает величаться этой властью, тот не боится и лишиться ее. А не боясь этого, может делать все со свойственной христианам свободой. Напротив, опасующиеся и боящиеся низвержения претерпевают жалкое рабство, соединенное со многими бедствиями, и часто принуждены бывают оскорблять и людей, и Бога. «Как страдающие плотской любовью, пока находятся близ любимых, чувствуют жесточайшее мучение страсти, а когда удалятся как можно дальше от любимых, укрощают ее неистовство, так и стремящиеся к этой власти, когда приближаются к ней, терпят невыносимое мучение, а когда теряют надежду получить ее, то вместе с надеждою погашают и желание»¹⁶.

Немаловажна для св. Иоанна и еще одна причина – публичный характер руководящей деятельности. Священник (добавим – и ответственный политик тоже) должен быть бодрствующим и осмотрительным и иметь множество глаз со всех сторон как живущий не для себя одного, а для множества людей (1 Тим. 3: 2). Небрежному, слабому и едва могущему заботиться о собственном спасении (а именно к таким людям причисляет себя Златоуст) здесь делать нечего: «а кто разделяется на такое множество народа и имеет особенные заботы о каждом из подчиненных, у того какую вероятную пользу это может принести для их преспеяния, если он не будет иметь души крепкой и весьма мужественной?»¹⁷. Итак, вместе со строгостью жизни требуются еще и опыты душевного мужества. «Пренебрегать яствами, напитками и мягким ложем для многих, как мы видим, не составляет труда, особенно для людей грубых, и воспитанных так с малолетства, и для многих других, у которых сложение тела и привычка смягчают суровость таких подвигов; но переносить оскорбление, клевету, язвительное слово, насмешки от низших необдуманно и обдуманно, напрасные и тщетные укоризны от начальников и подчиненных могут не многие, а один или два; и можно видеть, что люди крепкие в тех подвигах так возмущаются этими неприятностями, что свирепствуют хуже диких зверей. Если предстоятель не изнуряет себя голодом и не ходит босыми ногами, это нисколько не вредит церковному обществу; а свирепый гнев причиняет великие несчастья как самому преданному этой страсти, так и ближним. Не соблюдающим первого Бог ничем

не угрожает, а гневающимся напрасно – угрожает геенною и огнем геенским (Матф. 5: 22)»¹⁸.

И даже далекому от этого недуга не следует обольщаться, поскольку возможно, что он сдерживает эту страсть не силою воли, а всего лишь любовью к спокойствию. Кто из народа, спрашивает св. Иоанн, пожелает быть кротким, видя начальника гневливым? Точно так же и священнику нельзя скрыть свои недостатки; и малые из них скоро делаются известными. Ратоборец, пока остается дома и ни с кем не вступает в борьбу, может скрываться, хотя бы он был слабейшим. Но когда выступит на подвиги, тотчас изобличается. «Так и люди, ведущие частную и недейтельную жизнь, уединением прикрывают свои грехи; но быв выставлены на вид, бывают принуждены сбросить с себя одиночество, как бы одежду, и обнаружив для всех души свои посредством внешних движений. Как добрые дела их приносят пользу, побуждая многих к соревнованию, так и проступки их делают более нерадивыми о делах добродетели и располагают к уклонению от похвальных трудов»¹⁹.

Кроме того, проступки простолудинов, хотя бы и обнаружались, никому не наносят значительной беды: а проступки стоящих на высоте, у всех на виду. Но этого мало: самая малая погрешность представляется уже великою, «потому что все измеряют грех не важностью самого действия, но достоинством погрешающего»²⁰. Хочет этого руководитель любого ранга или нет, но все начинают судить о нем не как о существе, облеченном плотью и имеющем человеческую природу, но как об ангеле, не причастном никаким слабостям. Как тирана, пишет св. Иоанн, пока он властвует, все боятся и льстят ему, потому что не могут низложить его; но когда заметят, что дела его начинают меняться, тогда, оставив притворную лесть, недавние друзья вдруг делаются врагами и неприятелями и, узнав все его слабости, стараются лишить его власти. То же самое бывает и со священником: те, которые недавно, когда он был в силе, почитали его и угождали ему, воспользовавшись незначительным поводом, сильно вооружаются на него и стараются низвергнуть его не как тирана только, но как еще худшего человека. Как тиран, пишет Златоуст, боится своих телохранителей, так и священник опасается своих близких и сослуживших ему более всех. Именно они, как никто, более всех домогаются его власти. Они лучше всех знают его дела и легко могут войти в доверие и «встретить доверие даже клеветам своим и, представляя малое великим, повредить оклеветанному. Тогда оправдывается в обратном смысле апостольское изречение: «аще страждеть единъ удъ, с нимъ страждуть вси уди: аще ли же славится един удъ, съ ним радуются вси уди» (1 Кор. 12: 26). Разве только тот, кто стяжал великое благочестие, может выдержать все это»²¹.

И на такую войну ты посылаешь меня? И думаешь, что душа моя способна к столь разнородной и разнообразной борьбе? Как и от кого ты узнал это? – вопрошает Василия Иоанн. Если тебе Бог открыл, то покажи его определение, при котором повинование безусловно. Если же такового свидетельства нет или не можешь этого сделать и произносишь приговор по людской молве, то перестань обманываться. Согласно Иоанну, относительно нашего состояния, связанного с

выбором – идти или не идти во власть, должно верить более нам самим, нежели другим, потому что *яже въ человеце, никто же вестъ, точию духъ человека, живущий в нем* (1 Кор. 2: 11). «Если не прежде, то теперь настоящими словами, я думаю, ты убедился, что я, приняв эту власть, подверг бы осмеянию и себя самого и избирателей, и с великим вредом возвратился бы в то состояние жизни, в котором нахожусь теперь»²².

Какие еще опасности власти (даже не столько власти, а только еще приходится к ней) видит Иоанн? Очень часто, слишком часто призывают не тех, кто достоин по своим душевным, деловым качествам, способностям. Напротив, бывают и другие побуждения к предоставлению этой чести. Например, знатность рода (сейчас бы сказали: «по блату». – *В.Ш.*), владение имуществом (поэтому, мол, не будет воровать. – *В.Ш.*), или родство, или лесть. Особо притягательно, когда выдвигают бывшего противника. Некоторых же, наоборот, выдвигают из опасения, чтобы не предали на сторону противников. Иные же – за свою злобу, чтобы они, быв обойдены, не сделали много зол. И после всего этого, восклицает св. Иоанн, что может быть беззаконнее, когда люди негодные и исполненные множества пороков получают честь священнического или начальственного достоинства? По мнению Златоуста, когда управление делами вверяется или тем, кому они вовсе не свойственны, или тем, силы которых много превышают ими, тогда церковь становится нисколько не отличною от Евриппа. Употребляя эту метафору, праведник имеет в виду Еврипп – узкий пролив в Средиземном море, отделяющий о.Еввею от Биотии и Аттики, в котором, вода, по сказаниям греков, прибывает и убывает семь раз в день и семь раз ночью. И если прежде св. Иоанну были смешны мирские начальники за то, что при раздавании почестей они обращают внимание не на душевную добродетель, а на богатство, преклонность лет и покровительство людей, то ныне ему уже не странно, что такое неразумие проникло и в дела церковные, хотя все же удивляется, что избирают недостойных и отвергают способных. «По моему мнению, равно преступно отдавать людей полезных и допускать бесполезных; и это делается для того, чтобы стадо Христово ни в чем не могло находить утешения и отрады. И как тут не удивляться человеколюбию Спасителя? Кто не изумится милосердию Его? – восклицает св. Иоанн. – Христиане губят принадлежащее Христу более врагов и неприятелей, а Он, Благий, еще милосердствует и призывает к покаянию. Слава Тебе, Господи, слава Тебе! Какая бездна человеколюбия у Тебя! Какое богатство долготерпения! Те, которые именованы Твоим из простых и незнатных сделались почтенными и знатными, обращают эту честь против Почтившего их, дерзают за недоступное дерзновение, оскорбляют святую, устраняя и отвергая доблестных для того, чтобы при великом оскудении и с крайнею свободою порочные низвращали все по своему произволу»²³. Причины этих зол одинаковы с прежними, потому что, по св. Иоанну, у них один корень – зависть. Виды, проявления зла здесь самые разные. Например, одного соискателя власти отвергают за молодость; другого – потому что не умеет льстить; третьего – за то, что поссорился с таким-то человеком; четвертого – чтобы такой-то не оскорбился, увидев, что предложенный им отвергнут, а из-

бран этот; пятого – за доброту и скромность; шестого – слишком страшен для согрешающих; седьмого – по другой подобной причине. Не затрудняются приводить столько предлогов, сколько захотят. А если не найдут ничего другого, то поставляют на вид и богатство, и то, что не должно возводить в эту честь вдруг, а постепенно и мало-помалу, и другие причины могут найти какие захотят. И как тут быть епископу? – спрашивает св. Иоанн. – Что должно делать? Как устоять? Как ему отразить все эти нападения? Если он будет руководствоваться в делах здравым рассудком, то и ему и избранным все становятся врагами и неприятелями, делают все вопреки ему, каждый день производят раздоры и преследуют избранных бесчисленными насмешками, пока не низвергнут их и не возведут своих приверженцев. И бывает подобное тому, пишет Златоуст, как если бы внутри плывущего корабля кормчий имел своими спутниками морских разбойников, которые и ему, и гребцам, и плователям постоянно и ежечасно причиняли бы козни. Но если епископ начнет угождать этим людям в ущерб собственному спасению, приняв тех, кого не следовало, то вместо них будет иметь врагом своим – Бога; что может быть ужаснее этого?

И тут руководитель должен иметь выдающиеся качества, точнее, удивительные способности к их сочетанию, еще более точно, к сочетанию несочетаемого. Имеющий дар правления людьми должен быть важным и негордым, суровым и благосклонным, властным и общительным, беспристрастным и услужливым, смиренным и нераболепным, строгим и кротким, чтобы он мог удобно противостоять всем препятствиям. Он должен, по Златоусту, с полной властью принимать человека способного, хотя бы все тому противились, а неспособного с такою же властью отвергать, хотя бы все действовали в его пользу, иметь в виду одно только благосостояние церкви. А мы скажем: любой вверенной в управление организации. И ничего не делать по вражде или из угождения кому-нибудь.

Кроме того, продолжает Златоуст, соискатель должен наперед хорошо разведать все относящееся к этому служению и только потом приступать к нему. Особенно трудны дела милосердия, попечение о нуждающихся. Сейчас говорят – социальная работа. Например, говорит св. Иоанн, призрение вдовиц, попечение о девственницах, а также многие трудности судебного дела. Каждое из этих дел сопряжено с различными заботами, а некоторые – со страхом.

Самым легким, считает св. Иоанн, представляется управление-милосердие, т.е. материальная забота о вдовицах (1 Тим. 5: 16). Однако все не так просто и одним увеличением финансирования ограничиваться нельзя, если, конечно, важен результат. В противном случае одаривание всех и без разбора причиняет множество бед: рушатся семьи, расторгаются браки, случаются кражи и воровство, нетрезвость и многие подобные поступки. «Содержание таких вдовиц на счет церкви навлекает и наказание от Бога, и крайнее осуждение от людей, и самих благодетелей делает менее расположенными к благотворительности. Кто решится когда-нибудь на то, чтобы имущество, которое ему заповедано жертвовать для Христа, тратить на тех, которые поносят имя Христово?»²⁴. Поэтому, полагает Златоуст, нужно делать тщательное и строгое исследование,

чтобы не только такие вдовицы, но и те, кто сам в состоянии себя содержать, не обделяли тех, кто действительно нуждается. Кроме того, не меньше забот и о том, чтобы жизненные припасы для них поступали обильно и никогда не оскудевали. «Непроизвольная бедность дурна тем, что бывает ненасытна, взыскательна и неблагодарна. Требуется много благоразумия и много старания, чтобы заграждать им уста, пользующиеся всяким предлогом к осуждению»²⁵. Дела же усложняются еще и тем, что народ, по мнению св. Иоанна, как скоро увидит кого-нибудь непристрастным к богатству, тотчас объявляет его способным к распоряжению этим делом. И хотя действительно великодушные, без которого управитель будет скорее губителем, а не покровителем; волком, а не пастырем, необходимо, но недостаточно. Нужно иметь и другое качество. Это – терпение, причина всех благ для людей, полагает Златоуст. И уточняет: нуждающиеся, в частности, вдовицы, и по своей бедности, и по возрасту, и по свойству своего пола позволяют себе, так сказать, некоторую неумеренную дерзость. Они кричат безвременно, обвиняют напрасно, жалуются на то, за что надлежало бы благодарить, и порицают за то, за что надлежало бы хвалить. Все это предстоятелю надобно переносить мужественно и не раздражаться ни безвременными требованиями, ни безрассудными укоризнами. Потрясающе проникновенны слова праведника о том, что женщин должно щадить в несчастье, а не оскорблять, так как безжалостность к несчастьям прибавляет несчастья, поскольку к скорби от бедности присоединяется еще и скорбь от обиды. А это крайне жестоко. Власть – не для человека раздражительного (ибо что можно сказать больному?), а для того, кто может перенести слабость бедного, увещевает прежде подаяния, ободряет его кротким взором и ласковым словом. В самом деле, когда нужда от голода заставляет людей просить и в просьбах пренебрегать стыд, а за бесстыдство они опять подвергаются огорчениям, то на душу их, пишет Златоуст, нападает разнообразная и производящая густой мрак сила уныния. Пекущийся о них должен быть столь великодушным, чтобы не только не увеличивать их уныния укоризнами, но по возможности облегчать их состояние утешением. Как тот, восклицает св. Иоанн, что потерпел обиду, при большом изобилии не чувствует большой пользы от богатства по причине нанесения обиды, так и тот, кто слышал ласковое слово и принял подаянное с утешением, более веселится и радуется, и самый дар бывает вдвое большим от такого способа даяния. «Говорю это не от себя, но со слов того, кто и выше предложил увещание. Чадо, говорит он, во благих не даждь порока, и во всяком даянии печали словес. Не устудит ли зноя роса? Так лучше слово, нежели даяние. Не се ли слово паче даяния блага? Обоя же у мужа благодатна» (Сир. 18: 15-17)²⁶.

Итак, попечителю подобает быть не только кротким и незлобивым, но и бережливым. Нужна великая предусмотрительность, чтобы не умножать до чрезмерности, не доводить имущество до оскудения, но все собранное немедленно раздавать бедным. А вот из добровольных пожертвований и приношений народа собирать церковные сокровища – «стратегические запасы». Содержание бездомных, медицина – на это требуются огромные издержки. И попечитель должен собирать средства с кротостью и благоразумием, чтобы располагать бо-

гатых делать свои пожертвования с охотой и без сожаления, дабы, заботясь о призрении немощных, не огорчить душ жертвователей. Усердия же и ревности здесь нужно оказывать гораздо больше, потому что больные по свойству своему раздражительны и беспечны; и если не прилагать во всем великой попечительности и заботливости, то довольно и малого какого-нибудь упущения, чтобы причинить великое зло больному.

Еще труднее с девственницами, потому что и в лик этих святых, по Златоусту, вторглись многие, исполненные множества зол и произвели здесь большое горе. Для вдовиц празднословить, ссориться между собою, льстить, забывать стыд, всюду являться и ходить по площади считается безразличным. А девственница обрекла себя на высший подвиг и посвятила себя высшему любомудрию, обещает вести на земле жизнь ангельскую и стремится с этой плотью уподобиться бесплотным силам. Посему она имеет нужду в строжайшем охранении и большей помощи.

Судебная же часть (служения епископа также), считает св. Иоанн, сопряжена со множеством неприятностей, большими хлопотами и тяжкими трудностями, каких не переносят и мирские судьи. Нелегко найти правду. Но сложность задачи не должна отвращать от ее выполнения. Бывают и немалые опасности: например, более слабые, подвергшись суду и не нашедши защиты, которую, несмотря ни на что только и считают справедливостью, отпадают от веры. А многие из обиженных, ненавидя обидчиков, ненавидят столько же и тех, которые не оказывают им помощи. При этом они не хотят принимать во внимание ни сложности дел, ни трудности обстоятельств, ни ограниченности власти, том числе и священнической. Они неумолимые судьи, принимающие во внимание только одно, – освобождение от угнетающих их бед. А кто не может этого сделать, тот, хотя бы представлял тысячи оправданий, никогда не избежит их осуждения. Но есть и другой повод к укоризне власти. Если епископ, замечает св. Иоанн, не будет ежедневно посещать домов более городских смотрителей, то отсюда происходят невыразимые неудовольствия. Ибо не только больные, но и здоровые желают его посещения не по побуждению благочестия, но домогаясь себе чести и уважения. Если же случится, что какая-нибудь нужда заставит его для общего блага церкви чаще видаться с кем-нибудь из богатейших и сильнейших людей, этим он тотчас навлекает на себя упрек в угодливости и лести. А то и хуже – добавим, как сейчас принято говорить, – в сервилизме.

Но что я говорю, пишет Златоуст, о защите и посещениях? За один разговор свой он подвергается такому множеству нареканий, что часто, обремененный их тяжестью, падает от уныния: его судят и за взгляд. Самые простые действия его многие строго разбирают, примечая и тон голоса, и положение лица, и меру смеха. «С таким-то, говорят, он громко смеялся, обращался с веселым лицом и разговаривал возвышенным голосом, а со мною мало и небрежно. И если в многолюдном собрании он обращает глаза во время разговора не во все стороны, то также считают это обидою для себя»²⁷. И кто же, спрашивает св. Иоанн, не имея великого мужества, может так действовать, чтобы или совершенно не подвергаться суждениям столь многих обвинителей, или, подвергшись, оп-

равдаться? Главное же состоит в том, что, кто почтен выше своего достоинства, тот не должен представлять в оправдание своих погрешностей величие этой чести, но великое о нем попечение Божие должен обращать в побуждение к большему преспеянию в добре. «Получивший высокое достоинство и потому считающий дозволительным для себя грешить, делает не что иное, как старается представить человеколюбие Божие причиною грехов своих, что ... свойственно людям нечестивым и беспечно ведущим жизнь свою»²⁸.

Тот, кто думает избежать заслуженного им наказания за то, что получил большие перед другими почести, поступает, согласно св. Иоанну, подобно тому, как если бы кто из неверующих иудеев стал обвинять Спасителя и Благодетеля и говорить: «Для чего же Ты пришел и глаголал? Для чего творил знамения? Для того ли, чтобы больше наказать нас?» Но это, по Златоусту, слова неистовства и крайнего безумия. Врач, считает он, пришел не для того, чтобы презреть тебя, болящего, но чтобы совершенно освободить тебя от болезни, а ты добровольно уклонился от рук его; за это прими жесточайшее наказание. Если бы ты принял врачевание, то очистился бы от прежних болезней. А так как ты, видя пришедшего врача, убежал от него, то уже не можешь очиститься от них. Если же не можешь, то будешь наказан за них и вместе за то, что попечение его о тебе сделал тщетным, сколько это от тебя зависело. Поэтому, считает св. Иоанн, мы неодинаково подвергаемся истязанию до принятия или после принятия почестей от Бога, но в последнем случае гораздо строжайшему. «Кого не исправляют благодетельства, тот достоин большего наказания»²⁹.

В этом случае, согласно Златоусту, как для избранных не довольно сказать в свое оправдание: я не сам вызвался, я не предвидел и потому не уклонился; так и избирающим нисколько не может помочь то, если они скажут, что не знали избранного; но поэтому самому вина и становится большею, что они приняли того, кого не знали, и кажущееся оправдание служит к увеличению осуждения. И намеревающийся избрать должен делать большое испытание, а еще гораздо больше – избираемый. Почему, спрашивает св. Иоанн, когда идет совещание об управлении в деле воинском, в торговле, земледелии и других житейских занятиях, ни земледelec не решится плыть по морю, ни воин обрабатывать землю, ни кормчий сделаться воином, хотя бы кто угрожал им тысячью смертей? Очевидно, отвечает он, что каждый из них предвидит опасность от своей неопытности. Если же там, где ущерб маловажен, мы действуем, продолжает свою мысль св. Иоанн, с такою осмотрительностью, то здесь, где за предоставление священства несведущим предстоит вечное мучение, как мы без рассуждения и без разбора будем подвергать себя такой опасности, ссылаясь на насилие других? Но имеющий судить нас тогда не примет такого оправдания. «Я еще не прибавлю того, что никто не может принудить кого-нибудь противу воли»³⁰.

А что сказать о распрях своих ближних, распрях, рассудить которые предстоит труднее всего? А здесь ничего такого придумать нельзя; но после примера дел предоставлен один вид и способ врачевания – учение словом. Вот орудие, вот пища, вот превосходное растворение воздуха! Это вместо лекарств

ва, это вместо огня, это вместо железа; нужно ли прижечь или отсечь, необходимо употребить слово; если оно нисколько не подействует, то все прочее напрасно»³¹. При этом сложность пастырского служения состоит в том, что внутренние раздоры паствы не меньше внешних нападений, но еще более представляют труда для наставника. Одни из любопытства тщетно и напрасно хотят исследовать такие предметы, которые и знать было бы бесполезно, и познать невозможно. Другие же требуют от Бога отчета в судьбах Его, и усиливаются измерить эту великую бездну. Ибо судьбы Твои, пишет св. Иоанн, ссылаясь на Писание, бездна многа (Псал. 25: 7). При этом истинно пекущихся о вере и жизни найдется немного. Гораздо более таких, которые исследуют и изыскивают то, чего найти невозможно и изыскание чего оскорбляет Бога.

Между тем, полагает Златоуст, и при таком положении дела, кто со властью станет заграждать уста исследующим недоступные предметы, тот навлечет на себя упрек в гордости и невежестве. Здесь также настоятельно приличествует величайшее благоразумие. Особого изумления здесь заслуживает пример апостола Павла, на которого и ссылается св. Иоанн: «Всяко писание богодухновенно и полезно есть ко учению, ко обличению, ко исправлению, к наказанию, еже в правде: да совершен будет Божий человек» (2 Тим. 2: 24).

Однако, кроме опытности, наставник в борьбе за истину, согласно Златоусту, должен обладать еще некоторыми качествами. Точнее, неумение пользоваться этими качествами бывает причиною множества опасностей. «Что же это? Великий труд, состоящий в беседах пред народом в общих собраниях»³².

Св. Иоанн пишет, что, во-первых, пасомые большею частью не хотят относиться к говорящим как к наставникам, а, поднимаясь выше положения учеников, принимают положение зрителей, присутствующих на мирских зрелищах. Как там народ разделяется, одни принимают сторону одного, а другие – другого, так и здесь, разделившись, слушают говорящих, сообразуясь со своим благоприятным или враждебным расположением.

Во-вторых, если случится кому из говорящих прибавить к своим словам какую-нибудь часть чужих трудов, то он подвергается большим укоризнам, чем похитители чужого имущества. А часто терпит такое обвинение и тот, кто только подозревается в этом, хотя бы ни у кого ничего не заимствовал. Но что тут говорить о чужих трудах? Часто он не может пользоваться и своими сочинениями. «Люди большею частью привыкли слушать не для пользы, а для удовольствия, представляя себя как бы судьями трагиков, или игроков на кифаре»³³. Искусство слова здесь так одобряется, как у софистов, когда они спорят друг с другом.

Итак, св. Иоанн заключает, что и в деле учительства нужен человек с душою мужественною, много превосходящею нашу немощь, чтобы он мог отвлекать народ от этого непристойного и бесполезного удовольствия и приучать его к слушанию более полезного так, чтобы народ ему следовал и повиновался, а не он руководился прихотями народа. Но этого, согласно Златоусту, нельзя достигнуть иначе, как двумя способами: презрением похвал и силою слова. При

этом если не будет одного из них, то и остальной по отделении от первого будет бесполезен.

Если презирующий похвалы не преподает учения, растворенного благодатию и солию (Кол. 4: 6), то он лишается уважения у народа, не получая никакой пользы от своего великодушия, – пишет св. Иоанн. А если исправный по этой части будет прельщаться славою рукоплесканий, то произойдет одинаковый вред и для народа, и для него самого, как старающегося по пристрастию к похвалам говорить более для удовольствия, нежели для пользы слушателей. И как тот, кто не имеет пристрастия к похвалам и не умеет говорить, хотя и не угождает народу, но не может приносить ему и какой-либо значительной пользы от того, что не может ничего сказать; так и увлекающийся страстью к похвалам, хотя может вести беседы назидательные для народа, но вместо них, по Златоусту, предлагает то, что более услаждает слух, приобретая этим себе шум рукоплесканий. Отличный руководитель должен быть силен в том и другом, чтобы недостаток одного не уничтожил и другого.

От чего еще следует воздерживаться? От ненависти и зависти. «Священники не должны ни надмеваться похвалами народа, ни огорчаться порицаниями, если они будут неосновательны. Трудно это, блаженный, – обращается к Василию Златоуст, – а может быть, я думаю, и невозможно»³⁴, тем более что «слушатели сидят и судят о проповеди не по ее содержанию, а по мнению о проповедующих»³⁵. Да и вообще человеку невозможно всегда быть одинаковым и во всем успевать; но естественно иногда и погрешить и оказаться слабее собственной силы. «Ни о чем этом, как я сказал, не хотят подумать, но винят проповедника, судя о нем, как об ангеле»³⁶. Св. Иоанн сетует: человек таков, что на заслуги ближнего – и многочисленные, и великие – не обращает внимания; а если откроется какой-нибудь недостаток, – хотя бы незначительный, хотя бы давно случившийся, – тотчас узнает его, немедленно привязывается к нему и всегда помнит его. И это малое и незначительное часто уменьшает славу многих и великих мужей.

Впрочем, возможно и другое: многие непрестанно беспокоят наставника – напрасно и без причины; и, не имея, в чем обвинить его, враждуют против него за то, что он всеми уважается. Но не только с ними бывает борьба у доблестного мужа, но часто и с невежеством целого народа. «Нужно вооружаться мужеством против таких несправедливостей, и тех, которые поступают так по невежеству, прощать, а тех, которые делают это по зависти, оплакивать как несчастных и жалких и быть уверенным, что собственная сила ни от тех, ни от других не умаляется»³⁷. Если найдется такой человек, пишет св. Иоанн, который может попать этого неуловимого, неодолимого и дикого зверя, т.е. народную славу, и отсечь многочисленные его головы, а лучше – не допустить этой славы и не зарождаться вначале, тот будет в состоянии отражать все эти нападения.

Кроме того, у власти много искушений – прежде всего экономического характера. Но главная причина бесчисленных зол – это почести. Почести, оказываемые женщинами, хотя и ослабляются силою целомудрия, однако часто и низвергают того, кто не научился постоянно бодрствовать против таких козней;

ибо «взор не только невоздержанной, но и целомудренной женщины поражает и смущает душу, ласки обольщают, почести поработывают, и пламенная любовь – эта причина всех благ – делается причиною бесчисленных зол для тех, кто неправильно пользуется ею»³⁸. А от почестей, оказываемых мужчинами, если кто их будет принимать не с великим равнодушием, «тот впадает в две противоположные страсти – рабское угождение и безумное высокомерие, с одной стороны, вынуждаясь унижаться пред льстецами своими, а с другой – воздаваемыми от них почестями надмеваясь пред низшими и низвергаясь в пропасть безумия»³⁹.

Монах, пишет Златоуст, пребывая в уединении с самим собой, не возмущается и не совершает многих и тяжких грехов. Он удален от всего раздражающего и возмущающего душу. Но если посвятивший себя на служение целому народу и обязанный нести грехи многих остается непоколебимым и твердым, в бурное время управляя душою, как бы во время тишины, то он по справедливости достоин рукоплескания и удивления всех, потому что он, считает св. Иоанн представил ясное доказательство своего мужества. Еще более важно дерзновение, полученное от служения. Это та отвага, которая устраняет все препятствия, стоящие перед мудрой и успешной властью. Будет испытание – будет и решимость; будет решимость – будет и дерзновение; а будет дерзновение к исполнению власти – будут на то даны и силы. Видимо, этот вывод и переборол в конце концов все личные сомнения Златоуста, связанные с осознанием трудностей наставничества. Не позже 386 г. св. Иоанн уже был рукоположен в пресвитеры.

¹ Св. Григорий Нисский. Об устройении человека // О человеке. М., 2004. С. 65.

² Там же. С. 65-66

³ Там же. С. 66.

⁴ Там же. С. 64.

⁵ Свяtitель Игнатий Брянчанинов. Слово о человеке // О человеке. М., 2004. С. 164.

⁶ Там же. С. 172.

⁷ Добротолубие. Т.2. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1993. С.601.

⁸ Св. Иоанн Златоуст. О священстве // Полное собрание творений св. Иоанна Златоуста в 12 тт. Т. 1. Кн. 2. М., 1991.

⁹ В 370 г. он был епископом; умер в 379 г. Иоанн Златоуст родился около 347 г., а умер в 438 г.

¹⁰ Подробнее см.: Житие святого отца нашего Иоанна, патриарха Константинопольского // Жития святых. Византийский канон III-IX вв. М., 2004. С. 235-317.

¹¹ Св. Иоанн Златоуст. О священстве. Указ. соч. С. 422.

¹² Там же. С. 426.

¹³ Там же. С. 429.

¹⁴ Там же. С. 430.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. С. 432.

¹⁷ Там же. С. 433.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 434.

-
- ²⁰ Там же. С. 435.
²¹ Там же. С. 436.
²² Там же.
²³ Там же. С. 438-439.
²⁴ Там же. С. 440.
²⁵ Там же. С. 440-441.
²⁶ Там же. С. 442.
²⁷ Там же. С. 445.
²⁸ Там же. С. 448.
²⁹ Там же. С. 449.
³⁰ Там же. С. 452.
³¹ Там же. С. 453.
³² Там же. С. 461.
³³ Там же. С. 462.
³⁴ Там же. С. 463.
³⁵ Там же. С. 464.
³⁶ Там же. С. 464-465.
³⁷ Там же. С. 465.
³⁸ Там же. С. 475.
³⁹ Там же. С. 469-470.